

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ОТНОШЕНИИ СЕКТЫ ДУХОБОРОВ В КОНЦЕ XIX В.**

© 2015

И. А. Александров, преподаватель кафедры «Теория государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье рассмотрены некоторые аспекты политики Российской империи в отношении так называемых духоборов. В частности, исследованы вопросы, связанные с деятельностью последователей соответствующего учения в Закавказье в 1895 г.

Ключевые слова: секта, духоборы, Закавказье, Веригин, Российская империя.

Секта духоборов (духоборцев), не признававшая святыне таинства и святость Библии, возникла в XVIII веке. Ее название имеет церковное происхождение: «обличители» сектантов подразумевали, что последователи данного учения «являются борцами против «святого духа» как третьего лица божественной троицы. Это название удержано было сектантами, вложившими в него тот смысл, что они – борцы за дух, т. е. за одухотворение мертвешней в православии веры...» [1, с. 55].

Прежде чем перейти к рассмотрению интересующих нас фактов, относящихся к концу XIX в., следует уделить внимание отдельным аспектам духоборческого учения и предистории переселения духоборов в Закавказье. Описание воззрений духоборов на государственную власть можно почерпнуть, например, в донесении сенатора Лопухина от 12 ноября 1801 г. В данном документе содержатся следующие факты, характеризующие учение духоборов: «царское достоинство приписывают единому токмо Богу, почему присягать в верности Государю считают за преступление; но разумнейшие из них признают за нужную для развращенных людей на земле власть верховную, не отличая оной от прочих человеков и Государю доколе токмо повиноваться должно, доколе повеления его согласны с истиною и с волею Высочайшего Существа... Подати давать и защищаться от неприятелей считают за должное; но всякое нападение, хотя бы то было по повелению начальников, отвергают...» [2, с. 228, 229].

Примечательно встречающееся в литературе отношение к сведениям, содержащимся в указе Александра I на имя херсонского военного губернатора «О Мелитопольских поселенцах, называемых духоборцами» от 9 декабря 1816 года. В частности, согласно данному акту местные власти отзывались о духоборах «весьма выгодным образом» со стороны их поведения (хотя и принесли жалобу на отпадения их от православной церкви). Так, несколько позднее таврический гражданский губернатор в своем донесении министру внутренних дел от 2 января 1818 г. сообщал следующее: «1) Мелитопольские духоборцы ведут себя кротко и весьма воздержно; у них строго взыскивается с тех, которые впадают в пьянство; о воровстве и других гласных пороках с самого их переселения на Молочные воды не было и помину. По мелитопольскому уездному и таврическому гражданскому и уголовному суду о них производились дела единственно за отступление от православной веры... 3) На счет укрывательства дезертиров и беглых людей производимо было одно следствие. Были допрошены вышедшие в силу манифеста из заграницы 40 человек поселенцев, по подозрению, что они бежали из военной службы; но по уличении со стороны однодворца Баева и поселянина Базилевского оказались подозрительными только два человека: Фома Гремякин и Осип Голищев... 5) Донсители Баев и Базилевский, по единогласному показанию духоборческих стариков, исключены из их общества, первый за утайку ста мерок хлеба, взятого на сохранение у поселянина Стрובה, а второй просто за воровство. Исключенные из общества, они приняли православие и сделались злейшими врагами прежних своих односельчан» [2, с. 218; 3, с. 98, 99].

Один из дореволюционных авторов Т.И. Буткевич

признавал вышеупомянутое мнение Александра I о духоборах как о добропорядочных людях ошибочным и связывал его, в частности, с тем, что они никогда и ни с чем не обращались к гражданским властям; подати уплачивали «безнедоимочно», а в правительственных судебных учреждениях не имели никаких тяжб. Утверждалось, что различные пороки и преступления были совершаемы духоборами не в меньшем количестве, чем и другими лицами, «только они были тщательно скрываются от правительственных агентов». В подтверждение своих слов указанный автор ссылался на точку зрения херсонского военного губернатора Ланжерона, который кроме представителей Синода был единственным из «правительственных лиц», кто, по мнению Т.И. Буткевича, понимал вредность духоборческой секты. Ланжерон доносил Александру I, что духоборческая секта – «самая опасная для христианской религии и вообще для народной нравственности», так как ее последователи не раскольники, придерживающиеся христианских правил, но «люди, не имеющие никакой религии, не имеющие ни церкви, ни священников и не приемлющие таинств, что скрытно они ведут развратную жизнь, совершают тяжкие преступления, передерживают у себя беглых крестьян, дезертиров и каторжников» [2, с. 218, 219].

В довершение этого приводились свидетельства одного иностранного писателя, «нарочито приезжавшего» на Молочные Воды для изучения жизни и нравов духоборов, об убийствах и пытках, санкционированных руководством духоборческой секты в период ее существования в данной местности. «Для исполнения смертных приговоров был избран остров при впадении реки Молочной в лиман Азовского моря. Достаточно было самого легкого подозрения, малейшего признака мнимого отступничества или измены, чтоб подвергнуться самой жестокой пытке. В течение двух лет почти 400 человек исчезло навсегда, не оставив по себе никаких следов» [2, с. 221].

О. Новицкий полагал, что если не верить *слухам* (курсив наш – И.А.) о числе убитых духоборами, то нельзя отвергать результат деятельности следственной комиссии, назначенной правительством и действовавшей с 1835 по 1839 г. Этот автор указывал, что «при всем их (духоборов – И.А.) упорстве и умении скрывать тайные злодеяния» следствие обнаружило 21 убийство. «Оказались люди, погребенные заживо, трупы обезглавленные и изуродованные. Воды молочные не раз выбрасывали кости убитых и утопленных...». Впрочем, О. Новицкий сожалел, что расследование было осуществлено слишком поздно, а документы, относящиеся к этому делу, на момент написания им книги не были еще изданы в свет [3, с. 144, 145].

Так или иначе, в период правления Николая I с 1841 по 1845 г. было осуществлено переселение духоборов из Молочных Вод в Закавказье. В частности, генерал-губернатор новороссийский и бессарабский Воронцов обратился к духоборам с извещением, содержащим следующие утверждения: «...Едва успели вы водвориться на отведенной вам земле, как во имя вашего верования и по приказанию ваших мнимых наставников вы совершили страшные преступления: вы истязали людей

и за тем предавали смерти; вы укрывали у себя злодеев и преступников, ускользнувших от руки правосудия; вы тайли и скрывали от властей преступления и злодеяния ваших братьев и ни на минуту не переставали быть мятежными и непокорными Власти... Все преступления ваши обнаружены и неповинная кровь, вами пролитая, призывает на преступную главу вашу строгость закона. По вашим делам вы сделали недостойными той снисходительности, которая вам оказываема была Его Императорским Величеством; вы истощили терпение правительства, которое убедилось, что для общественного спокойствия вы должны быть переселены в отдаленные страны, где бы вы не могли вредить вашему близким. Ваши злодеяния обратили на себя наконец Высочайшее внимание Государя Императора, который повелел: всех принадлежащих к пагубной секте духоборцев переселить в закавказские провинции...» [3, с. 147].

В прежнем месте жительства осталось около тысячи человек, которые предпочли отказу от накопленного имущества отказ от духоборческого учения и присоединение к господствовавшей церкви [1, с. 89]. В дальнейшем духоборы, переселенные в Закавказье, были признаны местной администрацией надежнейшим для окраин Российской империи колонизационным элементом и характеризовались как «трудолюбивые муравейники», как образцовое по поведению сообщество. Опять же можно столкнуться со стремлением доказать ошибочность данных характеристик и объяснить их тем, что «в течение 50-летнего периода жизни в Закавказье не оказывается ни в одном учреждении и пяти дел о преступлениях духобор, не поступало ни к кому от тихого населения ни одной жалобы...» [4, с. 29]. С другой стороны, сами духоборы указывали на свою лояльность по отношению к русскому правительству [5, с. 4] вплоть до событий, относящихся к 1887–1895 гг.

В.М. Скворцов давал следующее краткое описание соответствующих событий: «...духоборы, служившие в рядах войск, выступили из строя, ополченцы подавали свидетельства и все последователи этой партии (имеются в виду духоборы-постники – И.А.), в ночь под 29 июня 1895 года, торжественно сожгли все свое оружие, никому из начальства давно уже не отдадут установленной чести, одному из губернаторов толпа нанесла оскорбления и словом и действием, податей добровольно не вносят...» [4, с. 30]. Эти явления связывались В.М. Скворцовым с тем, что духоборчество являлось не столько религиозной, сколько «социальной» сектой и что оно представляло собой «горючий материал, который способен вспыхнуть страшным пожаром от первой же попавшей в него искры, – здесь такую искрою явилась анархическая пропаганда...». Утверждалось, что до восьми тысяч духоборов показывали на деле полное отрицание государственности, «непризнание священной власти Монарха – Помазанника Божия, говоря, “что у них один Царь Небесный, а Царя земного они не знают и быть его не должно, так на земле все равны, все братья, двум господам служить нельзя”; что “власть возвысилась чрез насилие народа, что один Начальник, Кто всему миру начало, что начальство и разбой – одно ремесло. Закон один должен быть Божий, а в государственных установлениях в императорских указах нет нужды. Отечеством признают весь мир, соотечественниками всех людей: российский Император, турецкий султан, персидский шах, немецкий король, турок, армянин, англичанин и проч. – все нам одинаковы, русских мы не знаем... Война – убийство. Суд – насилие и произвол власти... Владение грабеж богатых, земля Божия – создана для всех на равной доле и каждый паши столько, сколько надо для прокормления...» [4, с. 29, 30].

Вместе с тем, несмотря на обвинения В.М. Скворцовым членов «сектофильствующего лагеря», толстовцев и т. п. в умалчивании фактов, представляющих духо-

боров в неблагоприятном свете, данный автор сам почти не касался предпосылок описанной ситуации [6]. Следует вспомнить, что 15 декабря 1886 г. умерла, не оставив потомства, Лукерья Калмыкова, в результате чего прервалась династическая линия руководителей духоборческой секты (оставался еще брат Калмыковой Михаил Губанов как представитель своего рода боковой линии). Отмечается, что в борьбе за опустевший «престол» наиболее серьезными соперниками являлись Петр Веригин, «игравший роль временщика еще при жизни Калмыковой» и Алексей Зубков, пользовавшийся доверием наиболее зажиточных кругов духоборов, имевший обширные связи с правительственной администрацией на Кавказе и опиравшийся в том числе на М. Губанова, который считался бесхарактерным [1, с. 102].

17 декабря, в день похорон Л. Калмыковой, П. Веригину было выдвинуто требование покинуть так называемый Сиротский дом (своего рода общественная касса, состоявшая из «наличного капитала» и иного имущества, а также главная резиденция руководителей секты и их семейств), а наследником соответствующего имущества был назван М. Губанов. В свою очередь, П. Веригин, выполнив это требование, развернул энергичную деятельность против М. Губанова (объявленного экспроприатором общественного достояния духоборов) и его сторонников. В преддверии 26 января следующего года, когда должны были провозгласить нового духоборческого руководителя, П. Веригин старался заручиться как можно более широкой поддержкой духоборов, а А. Зубков и М. Губанов обратились в полицию. В указанный день в селе Горелом Ахалкалакского уезда Тифлиской губернии, где располагался Сиротский дом, один из старейших духоборов Махортов предложил собравшимся последователям данного учения отдать поклон новому руководителю – Петру Веригину. При этом «большая часть толпы упала на колени в снег, а меньшая часть осталась стоять на ногах». И в тот же день П. Веригин был арестован, а затем выслан (сначала в г. Шенкурск Архангельской губернии, далее на Колу, потом в г. Обдорск Тобольской губернии). Аналогичная участь постигла и ряд наиболее близких его сторонников, в том числе упомянутого Махортова. В результате этих событий произошло окончательное разделение духоборов на две партии: «Малую», состоявшую из сторонников М. Губанова, и «Большую», куда входили сторонники П. Веригина [1, с. 103].

Законность таких административных действий в отношении П. Веригина аргументировалась, например, тем, что высылка была произведена «по требованию общества или, по крайней мере, того меньшинства, которое отрешилось от своих прежних заблуждений», а право требовать высылки одного из своих членов имело всякое крестьянское общество. По этому поводу К.К. Арсеньев отмечал, что данное право принадлежало «крестьянскому обществу, составляющему законно-организованное целое – а общество или община духоборцев в глазах закона не существует. За ссылку по приговору общества должно, во-вторых, высказаться большинство двух третей всех членов схода, а за высылку Веригина стояло... только меньшинство». Также противники П. Веригина «только хлопотали о высылке, а решена она было администрацией, вовсе не в том порядке, какой установлен для ссылки вредных и порочных членов крестьянских обществ – да о порочности Веригина не было, наконец, речи» [7, с. 190].

Далее последовал довольно сложный период борьбы представителей вышеназванных партий за наследование имущества Сиротского дома. В итоге, по выражению А.И. Клибанова, «благодаря сутяжничеству, взяткам и подкупам Губанову и его сторонникам удалось добиться судебного оформления прав на обладание капиталами

Сиротского дома». Вместе с тем, П. Веригин установил связи с оставшимися на местах деятелями Большой партии и передавал им как устные, так и письменные послания. В контексте последующих событий интерес представляет сложившаяся по непосредственным влиянием учения Л.Н. Толстого новая программа для духоборов, которая была сформулирована П. Веригиным в 1893 г. и включала следующие основные положения:

«1. Эксплуатация наемного и всякого иного зависимого труда несовместима с христианством;

2. Имущественное неравенство подлежит уничтожению путем равного дележа имущества богатых между бедными по добровольному согласию богатых;

3. Подлежат уничтожению стимулы, ведущие к накоплению богатств, для чего следует: а) ограничить размеры хозяйства настолько, чтобы оно отвечало необходимости лишь простого воспроизводства условий жизни, что требует максимального «опрощения» жизни верующих (быта, одежды, пищи и т. д.); б) прекратить браки, а состоящим в них отказать от половых связей, чтобы рост семьи не вызывал необходимости в дополнительных средствах для ее поддержания;

4. Пребывание на военной службе, как связанное с насилием, несовместимо с христианством» [1, с. 104–106].

В ходе попытки реализации на практике этих установок Большая партия раскололась на партии сторонников А. Воробьева (потребовал возвращения к традициям времени Л. Калмыковой и объявил противоречащим им новое аскетическое учение П. Веригина), получившую название Средней партии, и тех, кто остался верен П. Веригину (превосходили по численности «воробьевцев»). При этом за последними духоборами наряду со старым наименованием установилось название «постников». В дальнейшем несколько десятков духоборов отказались от службы в армии, за что были водворены в дисциплинарные батальоны (по сведениям А.И. Клибанова, эти лица подверглись там «надругательствам и истязаниям... девять человек были замучены насмерть») [1, с. 107–109].

Наконец, 29 июня 1895 г., в день рождения П. Веригина, духоборы-постники Тифлисской, Елизаветпольской губерний и Карской области сожгли имевшееся у них оружие. Если в Карской области эта акция прошла без эксцессов, то в Елизаветпольской губернии власти произвели широкие аресты духоборов, а в Тифлисской губернии в ахалкалакские поселения были направлены казачьи отряды, устроившие «эзэкуцию» над почти двухтысячной толпой духоборов. «Расправа была дополнена происходившим в течение нескольких дней истреблением имущества духоборов и насильственным изгнанием женщин» (в частности, В.М. Скворцов отрицал действительность данных фактов [6, с. 17–20]). За проведение этой «антимилитаристской демонстрации» значительная часть духоборов-постников была выслана властями из прежних мест жительства: «4300 человек были высланы из своего жительства и расселены по лихорадочным долинам Кахетии и Карталинии» [1, с. 109].

Обращаясь к вопросу о возможном деструктивном характере духоборческой секты, следует отметить

пробуждение у части рядовых сторонников П. Веригина, принадлежавших к бедным слоям населения, «политического сознания» (с точки зрения советских исследователей). Эти же взгляды квалифицировались В.М. Скворцовым как «крайне анархические». С другой стороны, собственно у П. Веригина как руководителя этого объединения отмечалось наличие государственной власти и пределы этой власти». Так, в письме Веригина от 4 декабря 1896 г. к его единоверцам, находящимся в заключении, говорилось: «Правительство должно убедиться, что мы не так вредны, как оно думает». В другом письме от того же числа, обращенном к духоборам Большой партии, он писал следующее: «Недавно я прочел в газете, в Московских Ведомостях, как у вас назначили к продаже лошадей и коров. Описано, будто некоторые сестры брали вилы железные и не допускали, как в газете написано, к конюшням. Я этому не верю. Если это было на самом деле, то это нехорошо: можно доказывать со смирением на словах, а руками злой воли не давать, иначе это выйдет настоящая война...» [7, с. 110].

Таким образом, небезосновательным предстает мнение, согласно которому в борьбу духоборческих партий «замещались... обыкновенные человеческие страсти, мелочные и зачастую грязные. Слабейший непременно хочет торжествовать победу, а потому приискивает себе союзников на стороне». Таких союзников члены Малой партии нашли в лице «низшей и средней местной администрации» [7, с. 189]. На накопившиеся социальные противоречия между бедными и богатыми духоборами, наслонились действия местных властей, связанных с противниками П. Веригина, что в итоге и привело к событиям 1895 г.

В заключение следует сказать, что подвергшимся преследованиям духоборам при содействии Л.Н. Толстого и так называемых «толстовцев», обвинявшихся в проповеди анархизма среди духоборов [6, с. 40], было дозволено выехать из России, и с декабря 1898 г. по апрель 1899 г. духоборы четырьмя партиями отбыли в Канаду (П. Веригин прибыл туда в 1902 г.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в.–1917 г.). М.: Наука, 1965. 348 с.
2. Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков. Харьков, 1910. 626 с.
3. Новицкий О. Духоборцы, их история и вероучение. 2-е изд. Киев, 1882. 290 с.
4. Скворцов В.М. Деяния 3-го всероссийского миссионерского Съезда в Казани, по вопросам внутренней миссии и расколосектантства. Киев, 1897. 352 с.
5. Материалы к истории и изучению русского сектантства. Выпуск 2-й. Разъяснение жизни христиан и Был у нас, христиан, сиротский дом... (две духоборческие рукописи) / под ред. В. Бонч-Бруевича. Женева, 1901. 44 с.
6. Скворцов В.М. Правда о Закавказской духоборческой секте. Киев, 1898. 40 с.
7. Арсеньев К.К. Свобода совести и веротерпимость: сборник статей. СПб.: Библиотека Общественной пользы, 1905. 294 с.

TO THE QUESTION ABOUT LEGAL POLICY OF RUSSIAN EMPIRE WITH RESPECT TO THE
SECT OF DOUKHOBORS AT THE END OF THE XIX-TH CENTURY

© 2015

I.A. Alexandrov, lecturer of the chair "Theory of state and law"
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Abstract: In this article some aspects of the policy of Russian Empire with respect to so-called doukhobors are considered. In particular, the issues, connected with the activity of followers of corresponding doctrine in Transcaucasia in 1895, are investigated.

Keywords: sect, doukhobors, Transcaucasia, Verigin, Russian Empire.

УДК 342

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И
ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

© 2015

О.А. Воробьева, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры
«Предпринимательское и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В настоящей статье рассмотрены признаки, формы и сферы взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Ключевые слова: юриспруденция, государство, публичная власть, разделение власти, государственная власть, местное самоуправление.

В соответствии со ст. 3 Конституции Российской Федерации, носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления [1, с. 25].

Российская Конституция провозглашает права и свободы человека и гражданина, которые являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18). Также Основным Законом РФ закреплен принцип разделения властей (ст. 10), определены органы государственной власти в Российской Федерации и ее субъектах (ст. 11), определены конституционные основы местного самоуправления (ст. 12, гл. 8), определены сферы ведения Российской Федерации и ее субъектов и др.

Природа публичной власти предполагает для Российской Федерации наличие как минимум двух уровней ее реализации: государственного и местного. Следует отметить, что государственная власть реализуется на федеральном и региональном уровнях, а местная власть осуществляется в городских, сельских поселениях и на территории других муниципальных образований.

Мы согласны с точкой зрения С.А. Авакьяна, что существует как минимум три формы взаимодействия государственных и муниципальных органов власти.

Первую форму взаимодействия можно охарактеризовать тем, что вышестоящие органы помогали и будут помогать в хозяйственно-финансовом отношении местному самоуправлению.

Вторая форма взаимодействия заключается в том, что вышестоящие органы должны выступать в качестве надзорной инстанции, «оберегающей» местное самоуправление от принятия незаконных, а также неправильных, необоснованных решений, не позволяющей забыть о государственном интересе.

А третья форма заключается в том, что вышестоящие органы призваны быть инстанцией, которая помогает, в том числе и методически, местному самоуправлению, обобщая и распространяя их положительный опыт.

Государственная власть и местное самоуправление представляют собой сложные взаимодействующие системы, которые являются основными способами реализации публичной власти народа. Являясь по своей природе неполитической, власть местного самоуправления основывается на сочетании государственных, а также

общественных начал. Самостоятельность местного самоуправления не предполагает абсолютной независимости от государства. Но не следует огосударствлять местное самоуправление, включая исполнительные органы местного самоуправления в систему органов государственной власти, потому что это приведет к искажению сущности местного самоуправления, в том числе и к замене его государственным управлением на местах [2, с. 7].

К признакам взаимодействия государственных органов власти и органов местного самоуправления можно отнести:

- во-первых, наличие двух и более субъектов правоотношения;
- во-вторых, активную деятельность субъектов правоотношения;
- в-третьих, согласованную деятельность субъектов правоотношения;
- в-четвертых, наличие единой цели, на достижение которой направлена деятельность субъектов правоотношения [3, с. 26].

Как отмечает Н.Л. Пешин, к сферам взаимодействия государственной власти и местного самоуправления относятся:

- установление общих принципов организации местного самоуправления;
- регулирование компетенции органов местного самоуправления;
- определение полномочий органов государственной власти в сфере местного самоуправления;
- делегирование отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления;
- осуществление контроля деятельности местного самоуправления [4, с. 140].

Концепция взаимодействия государственных и местных органов представляет собой обособленный пласт. При этом необходимо исходить из того, что государственное централизованное управление и местное самоуправление – это не однопорядковые явления, они скорее противостоят друг другу, так же как государство и гражданское общество – взаимно связанные, но противоположные по сути образования [5].

Ст. 12 Конституции Российской Федерации 1993 г. закрепляет принципиальные положения о самостоятельности местного самоуправления в пределах своих полномочий и не вхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти. И как заметил И.И. Овчинников, именно эти положения стали